

Ольга
Дашикова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДОКТОР ТЫШКА
ДЛЯ ГЕРОЯ

Ольга Дашкова

Доктор Пышка для Героя

«Автор»

2026

Дашкова О. В.

Доктор Пышка для Героя / О. В. Дашкова — «Автор», 2026

Я – строгая заведующая хирургическим отделением, которая после предательства мужа три года не подпускала к себе ни одного мужчину. Пока ко мне не попал капитан Николаев, позывной Лис. Сорокадвухлетний спецназовец, огромный, грубый и крайне опасный. Тяжелораненый пациент, которого я вытащила с того света. С первого дня он нарушал все правила: смотрел на меня так, будто я уже его, называл «Пышка» и медленно, но уверенно ломал мою защиту. Он не принимает отказов. Он видит во мне то, что я сама в себе ненавидела. И именно это во мне ему нравится больше всего. Запретная связь с пациентом. Запретная и не менее опасная. Но можно ли влюбиться в мужчину, для которого война – это вся жизнь?

© Дашкова О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ольга Дашкова

Доктор Пышка для Героя

Глава 1

Ночь в военном госпитале всегда пахнет по-особенному.

Это невозможно описать тому, кто не провел в этих стенах сотни ночей подряд. Смесь хлорки и антисептика, горький запах кофе из автомата в конце коридора. Немного металла, чуть-чуть страха, который пропитал стены так же глубоко, как и надежда.

Несколько лет этот запах был моим домом, моим якорем, моим спасением. Когда все остальное рухнуло – работа держала. Только она.

Я стояла у окна ординаторской и смотрела на темный двор. В руках уже остывший стаканчик с третьей за ночь порцией эспрессо, который я так и не допила. Часы показывали половину третьего. Где-то за окном мигал одинокий фонарь.

Июньская ночь была теплой, душной, пахла липой и асфальтом, и этот запах казался чужим, неуместным рядом с больничным.

Я думала ни о чем. Точнее, о том, что думать ни о чем – это и есть самое честное, чего я достигла за последние три года. Пустота внутри, которую я сначала так боялась, теперь была почти уютной и привычной.

– Маслова, в приемное! Тяжелый, – раздался в коридоре голос дежурного реаниматолога Сомова. – Осколочное, множественное. Потерял много крови. Уже везут.

Стаканчик опустил на подоконник. Я не побежала, я не бегаю в коридорах. Но шаг стал другим: твердым, быстрым, без лишних движений. Внутри включилось то, что включается всегда: точная собранность, от которой я когда-то по молодости пугалась сама.

Теперь знаю: это и есть хирург. Тот момент, когда ты перестаешь быть собой и становишься только инструментом между жизнью и смертью.

Приемный покой ослепил белым светом. Каталку вкатили в тот самый момент, когда я надевала перчатки.

Первое, что я увидела – размер. Он занимал почти всю каталку. Огромный, даже лежа без сознания, будто не помещался в это пространство, рассчитанное на обычных людей.

Широкие плечи, разорванный камуфляж, из-под которого сочилась кровь. Мощная грудная клетка поднималась с трудом, дыхание частое, поверхностное. Темные волосы, слипшиеся от пота, руки в шрамах, в татуировках, большие.

Лицо... жесткое. Даже без сознания оно было суровое. Тяжелая челюсть, резкие скулы, аккуратная борода с заметной сединой. Лет сорок – сорок два, не меньше. Мужчина, который жил по-настоящему. Весь в доказательствах этой самой жизни.

– Капитан Николаев Тимофей Александрович, – быстро говорил сопровождающий офицер, едва поспевая за каталкой. – Позывной «Лис». Спецназ ГРУ. Попал под обстрел во время эвакуации группы. Осколки в правом боку, бедре и плече. Давление восемьдесят на сорок, падает. Потеря крови критическая.

– Группа крови?

– Вторая, положительная.

– В операционную. Срочно, – я шла рядом с каталкой, уже считая, уже распределяя. – Сомов – анестезия. Петрова – ассистент. Готовим два литра эритромаксы.

Следующие четыре часа не существовали. Есть такое состояние – полный вход в работу, когда ты перестаешь чувствовать усталость, голод, время. Когда руки знают сами, без команд.

Я стояла над ним, и скальпель был продолжением пальцев, и каждый осколок это задача, которую нужно решить. Первый был в правом боку, у самой печени, опасно близко. Второй – в мышце бедра, глубоко, но чище. Третий – в плече, раздробил часть лопатки.

Он несколько раз падал с нами в давлении. Несколько раз я слышала тихий, длинный, плоский почти неслышимый сигнал монитора. И каждый раз он возвращался. Сопrotивлялся. Яростно, упрямо, как зверь.

Не знаю, в какой момент я начала думать о нем не просто как о пациенте. Может быть, когда мои пальцы в очередной раз коснулись его горячей – невероятно горячей, несмотря на потерю крови – кожи, и по моему позвоночнику пробежало что-то странное.

Не страх. Не жалость. Что-то, чему я не хотела давать имя прямо там, в операционной, со скальпелем в руках.

Когда мы наконец закрыли последний разрез и отправили его в реанимацию, я почувствовала, как подгибаются колени. Незаметно, на долю секунды, но подгибаются.

– Держится, – тихо сказал Сомов, снимая маску. Голос у него был усталый и удивленный одновременно. – Крепкий черт.

– Такие как он живут войной, – ответила. – Они умеют держаться.

Вышла в коридор, прошла в ординаторскую, села, руки дрожали. Не от усталости – это я умею отличать, от чего-то другого. Я сидела в тишине, слушала, как гудит вентилятор в углу, и пыталась понять, почему этот пациент – уже не первый тяжелый, не первый солдат, не первый мужчина на моем операционном столе – оставил после себя этот странный, тревожный след.

Кто же ты такой, Лис...

Мысль пришла сама, но я прогнала ее. Уснула прямо в кресле – часа на три, не больше. Утром пришла на обход с тяжелой головой и еще более тяжелым предчувствием.

Он был в сознании.

Я услышала еще в коридоре низкий, раздраженный голос, требующий что-то у медсестры Оли, которая отвечала ему тонко и испуганно. Открыла дверь палаты и на секунду замерла.

Капитан Тимофей Николаев сидел на кровати. Не лежал. Сидел.

Несмотря на запреты, несмотря на капельницу, несмотря на то, что шесть часов назад его зашивали по частям. Простыня сползла до пояса. Широкий перевязанный торс.

Под бинтами рельеф мышц, который не скрыть никакими бинтами. Он одной рукой пытался отсоединить иглу от катетера, щурясь от боли, которую, кажется, просто игнорировал. Оля бросила на меня взгляд помощи, я кивнула на дверь, она вышла.

– Что вы делаете? – мой голос прозвучал резче, чем я хотела.

Он медленно повернул голову.

Взгляд был тяжелым. Серые глаза, прищуренные, острые. Такие глаза умеют смотреть сквозь стены и людей. Взгляд человека, который привык видеть угрозу раньше, чем она материализуется.

Он молча и оценивающе смотрел на меня несколько секунд, и я неожиданно для себя самой ощутила желание сделать шаг назад.

Не сделала.

– Убираюсь отсюда, – произнес он. Голос низкий, хриловатый, с какой-то особой тяжестью в каждом слове. – Не люблю больницы.

– Вы едва не умерли шесть часов назад, капитан. Лягте обратно.

– Уже не умер. Значит, все нормально.

– Значит, ничего нормального.

Подошла и решительно взяла его руку, ту, которая тянулась к игле. Вернула иглу на место, при этом мои пальцы лежали на его предплечье дольше, чем было нужно. Кожа горела. Температура – почти наверняка. Почувствовала его сильный, ровный, упрямый пульс под пальцами.

Он смотрел на мою руку. Потом поднял взгляд к моему лицу. И задержался.

Не отводил глаз долго, слишком долго для пациента, слишком долго для первой встречи, слишком долго для человека, которому должно быть больно и плохо.

– А ты, значит, главный доктор? – спросил чуть прищурившись.

– Заведующая хирургическим отделением, Марина Васильевна Маслова, – отчеканила, убирая руку. – Пока вы находитесь в моем отделении, вы выполняете мои указания. Все. Без переговоров и исключений.

Он смотрел еще секунду. Потом – усмехнулся. Болезненно, с усилием, но дерзко. Этот человек даже улыбался так, словно это было вызовом.

– Маслова... – повторил он, как будто пробуя фамилию на вес. – Красивая. А сама ты... пышная.

Я замерла. Слово «пышная» я слышала много раз. От бывшего мужа оно было с легкой насмешкой. От коллег – невзначай. От зеркала по утрам оно звучало с обвинением.

Но он произнес его иначе. Не оскорбительно. Не снисходительно. Он сказал это так, будто это был факт, который его устраивал. Больше чем устраивал. Голодно.

– Пациент Николаев, – произнесла ровно, хотя щеки начали предательски гореть, – если вы не ляжете немедленно и не прекратите вырывать катетеры, я лично зафиксирую вас к кровати. Это не угроза, это медицинская необходимость.

Долгая пауза.

Он изучающе, спокойно смотрел мне в глаза, как будто просчитывал меня так же, как, наверное, просчитывал противника. Потом медленно, очень медленно опустил на подушки, не отводя взгляда.

– Ясно, доктор Пышка.

Сердце сделало что-то странное. Пропустило удар. Или добавило лишний, я не разобрала. Развернувшись, вышла из палаты, не позволяя себе ни секунды промедления. За спиной раздался низкий, почти беззвучный смех. Такой, который чувствуешь скорее кожей, чем ушами.

Прислонилась к стене в коридоре, закрыла глаза. Коридор был пуст, раннее утро, смена еще не пришла.

Господи. Только не это.

Один день. Он здесь меньше суток, а я уже стою у стены с горящими щеками и пульсом, который не имеет права так себя вести. Глубоко вдохнула, выдохнула, отлепилась от стены.

Это пациент. Тяжелый. Проблемный. Невыносимый пациент, который будет нарушать режим, спорить с каждым назначением и смотреть на меня вот так – тяжело, в упор – до самой выписки.

Я скажу себе это столько раз, сколько потребуется. Но где-то глубоко, там, где я уже давно ничего не чувствовала, что-то шевельнулось. Тихо, осторожно, как огонь под пеплом, который казался давно потухшим.

Глава 2

Утро началось с того, что он снова пытался встать.

Я узнала об этом еще до того, как дошла до палаты по голосу медсестры Оли, который доносился из-за закрытой двери и снова высоким, почти умоляющим тоном. Я толкнула дверь без стука.

Тимофей стоял у кровати.

Стоял. На ногах. Держась одной рукой за спинку. Побелевшие пальцы, костяшки напряжены и при этом с таким выражением лица, будто это он делает одолжение всему отделению, оставаясь в пределах палаты. Больничная рубашка, голые ноги, перебинтованное бедро, на котором уже проступило свежее бордовое пятно крови.

– Вы с ума сошли? – вошла быстро, закрыла за собой дверь. – Ложитесь. Немедленно.

– Мне нужно в туалет, – сказал спокойно. Как будто речь шла о чем-то совершенно очевидном.

– Для этого существует судно и медперсонал.

– Я не буду ходить в туалет в судно, – произнес так же ровно и так же непреклонно, как, наверное, отдавал приказы. – Я хожу сам.

– Вы не ходите сам. У вас осколочное в бедре, швы на боку и температура тридцать восемь. Вы не ходите вообще, вы лежите и выздоравливаете. Это не обсуждается.

– Все обсуждается.

– Не в моем отделении.

Мы смотрели друг на друга. Секунда. Две. Я видела, как едва заметно, самую малость, напряглась его челюсть. Он привык, что его слушаются, привык отдавать команды и получать четкое «есть». А я стояла напротив, скрестив руки, и не двигалась.

– Оля, – сказала, не поворачивая головы, – принесите свежий перевязочный материал. И позвоните Сомову, скажите, что у пациента из третьей снова разошелся шов.

– Шов не разошелся, – процедил Николаев.

– Пока нет. Но если вы простояте еще минуту, то разойдется.

Пауза. Он смотрел на меня с тем выражением, которое я уже начинала узнавать, прищуренным, острым, пророческим. Как будто искал в моих словах слабое место. Уязвимость, точку, куда можно надавить, чтобы я сдвинулась.

Не нашел.

Медленно, с явным усилием над собой, сел обратно на кровать. Коротко поморщился, я заметила. Боль была настоящей, сильной, он просто умел прятать ее так, как большинство людей прячут слезы: глубоко, за слоями выдержки и упрямства.

Подошла, присела на край стула рядом с кроватью, взяла его руку проверить пульс. Привычный жест, профессиональный, но он снова посмотрел на мои пальцы так, что я почувствовала это между лопатками.

– Тридцать восемь и две, – сказала, опуская его руку. – Воспалительный процесс. Если вы не будете соблюдать режим, температура поднимется выше, и тогда мы вернемся в операционную. Вы хотите снова на стол?

– Нет.

– Тогда лежите.

Он откинулся на подушки. Уставился в потолок тяжелым, мрачным взглядом человека, которому горизонтальное положение причиняет почти физическую боль. Не от ран, от самого факта беспомощности.

Я это понимала слишком хорошо, мужчины его склада переносят неподвижность хуже, чем боль. Быть слабым для него было страшнее, чем быть раненым.

– Почему вы вообще в армии? – спросил он вдруг, не отрывая взгляда от потолка.

– Это имеет отношение к вашему лечению? – я чуть приподняла бровь.

– Нет. Просто интересно.

– Военный госпиталь – это просто место работы, капитан.

– Не просто, – он повернул голову и посмотрел на меня. Прямо, без обиняков. – Сюда не идут просто так. Здесь тяжело. Здесь каждый день – такие персонажи, как я.

Встретила его взгляд и не отвела.

– Именно поэтому и иду, – сказала ровно. – Потому что такие, как вы, умирают, если рядом нет того, кто умеет работать.

Что-то в его взгляде изменилось. Как тень едва заметно скользнувшая по лицу. Он помолчал секунду, потом снова уставился в потолок.

– Сколько вам лет? – спросил.

– Это точно не имеет отношения к лечению.

– Тридцать?

– Тридцать четыре.

– Молодо для заведующей.

– Я хорошо работаю.

Уголок рта дрогнул, нет, не улыбка, что-то похожее. Почти.

Оля вернулась с перевязочным материалом, и я занялась бедром. Аккуратно сняла повязку, осмотрела шов. Шов держался, но пропитался. Я работала молча, сосредоточенно, он тоже молчал, только смотрел на мои руки, не отрываясь.

– Больно?

– Нет.

– Вы лжете.

Короткая пауза.

– Терпимо, – поправился.

– Лучше, – сказала я и почти против воли почувствовала что-то похожее на улыбку внутри. Снаружи я была собранной, профессиональной, непроницаемой Масловой. Но что-то в его запоздалой и неловкой честности царапнуло где-то в груди.

Когда заканчивала перевязку, он спросил тихо – совсем другим тоном, без привычной дерзости:

– Они выжили? Мои люди?

Подняла взгляд, он смотрел в потолок. Лицо закрытое, каменное. Но в голосе было что-то такое, что заставило меня на секунду забыть про бинты.

– Я не знаю, капитан. Ко мне привезли только вас.

Он ничего не ответил. Только сжал челюсть чуть крепче. Я завязала последний узел на повязке и встала. Оля ушла, мы остались вдвоем, в тишине, которая вдруг стала другой, уже не враждебной.

– Вы будете лежать? – спросила.

– Буду, – сказал он. Без иронии.

Взяла карту, сделала отметку и направилась к двери.

– Маслова.

Остановилась, обернулась, мужчина смотрел на меня лежа, своим с тяжелым взглядом. В котором что-то мелькнуло. Что-то, что он, кажется, и сам не слишком хотел показывать.

– Спасибо. За ночь.

Я поняла, что за операцию. За то, что вытащила.

– Это моя работа.

– Знаю. Все равно – спасибо.

В коридоре остановилась и прислонилась спиной к стене, к той же, что вчера. Закрывает глаза на три секунды.

Вот этого я и боялась.

Не грубости. Не дерзости. Не взглядов, от которых горят щеки. Того, когда за броней вдруг проглядывает что-то живое, что-то настоящее. Короткая, почти случайная фраза и ты вдруг видишь не трудного пациента, а человека, который только что лежал в операционной и не знает, живы ли его люди.

Этого я не умею не замечать. Никогда не умела.

Именно это когда-то и сломало меня в первый раз, я видела людей насквозь, чувствовала их боль, как свою. Думала, что это сила. Оказалось – уязвимость.

Открыла глаза, отошла от стены. В конце коридора молодой лейтенант Вершинин, коллега из соседнего отделения, розовощекий, смешливый шел мне навстречу и уже улыбался той улыбкой, с которой он улыбался мне последние две недели.

– Марина Васильевна, доброе утро. Вы сегодня... – он сделал паузу, подбирая слово, – очень хорошо выглядите.

– Доброе, Вершинин, – сказала, не замедляясь. – У вас обход через десять минут.

– Я помню. Я просто хотел спросить, вы не против, если я загляну к вам на кофе после?

Я уже почти прошла мимо, когда краем глаза увидела: дверь третьей палаты приоткрыта. И в этой щели был серый прищуренный взгляд.

Капитан смотрел на Вершинина.

Не на меня. На него. И в этом взгляде было что-то такое холодное, такое абсолютно нехорошее, что лейтенант, почувствовав его каким-то шестым чувством, чуть запнулся на полуслове и оглянулся.

– Это пациент из третьей, – сказала спокойно. – Ему нужен покой. И вам рекомендую не задерживаться у его палаты.

Вершинин кивнул и поспешил дальше. Я подошла к двери и потянула ее – плотно закрыть.

– Вам нельзя напрягаться, – сказала я в щель. – Это включает зрительный контакт с намерением убить.

За дверью – тишина. Потом:

– Он к тебе клеится.

– Это не ваше дело, капитан.

– Он тебе не подходит.

Закрывает дверь, постояла секунду. И почувствовала, как сердце снова делает то, чему я уже несколько раз приказала прекратить – ускоряется. Без причины. Без разрешения.

Развернулась и пошла по коридору ровно, спокойно, профессионально. Внутри – пылало.

Это просто пациент, – сказала я себе в третий, в четвертый, в пятый раз.

Глава 3

Третья ночь дежурства всегда самая тяжелая.

Не первая. В первую ты еще держишься на адреналине и кофе. Не вторая. Во вторую работает упрямство. Третья – это когда тело начинает честно говорить тебе, что оно думает о твоём выборе профессии.

Ноги гудят, глаза щиплет. Мысли становятся медленными, тягучими, как мед из холодильника. Было около полуночи, когда я взяла лоток с перевязочным материалом и пошла в третью палату.

Плановая перевязка была рутиной. Я делала это тысячу раз. Людей не хватало, многие в отпуске, лето, прекрасная пора, только не для меня.

Я говорила себе именно это, пока шла по темному коридору мимо поста дежурной медсестры, мимо закрытых дверей, мимо тихого гудения ламп дневного света, которые ночью казались особенно холодными. Плановая перевязка, ничего особенного.

Постучала и, не дожидаясь ответа, вошла.

Палата была погружена в полумрак, горел только ночник над кроватью, маленький, желтый, отбрасывающий мягкий круг света. Капитан не спал, лежал на спине, закинув здоровую руку за голову, и смотрел в потолок с таким видом, будто потолок был виноват в чем-то серьезном.

Когда я вошла, он повернул голову.

– Поздно для визитов, доктор, – голос был тихим, без обычной дерзости.

– Перевязка по расписанию, – поставила лоток на тумбочку, придвинула стул. – Как температура?

– Не знаю. Нормально.

– Это не медицинский ответ.

– Тридцать семь и шесть. Оля мерила в десять.

– Уже лучше, – надела перчатки, начала аккуратно снимать повязку с бока. Работала методично, привычно. – Лежите спокойно.

Он лежал спокойно.

Это само по себе было неожиданностью, за три дня я привыкла к тому, что любое мое прикосновение он встречает если не сопротивлением, то как минимум напряжением. Сейчас он просто лежал и смотрел в потолок.

Расслабленный, насколько вообще мог быть расслаблен такой человек. Это было похоже на то, как расслабляется большой зверь, который решил, что опасности нет. Не потому что доверяет, а потому что сам выбрал этот момент как безопасный.

Сняла повязку. Рана заживала хорошо, даже лучше, чем я ожидала. Организм этого мужчины работал с той же яростной упрямостью, с которой работал он сам. Я обработала края, проверила швы, начала накладывать свежий бинт.

И вот тогда я почувствовала это. *Тепло.*

Его тело было горячим даже при нормальной температуре: плотным, живым теплом, которое исходило от кожи и, казалось, заполняло все пространство вокруг. В ночной тишине, в маленьком круге желтого света, это тепло было очень ощутимым.

Я работала аккуратно, профессионально, и старалась не думать о том, насколько близко сижу. Насколько тихо вокруг. Насколько он большой даже лежа, даже с закрытыми глазами и раненый.

– Больно? – спросила, когда переходила к бедру.

– Нет.

– Тимофей Александрович.

Пауза.

– Терпимо.

– Я уже учу ваш словарь, – сказала. – «Нет» означает «да, но я не скажу». «Терпимо» означает «больно, но не критично». Что у вас означает «плохо»?

Он открыл глаза и посмотрел на меня. В полутьме его взгляд был мягче, что ли. Или просто ночь убирала часть брони.

– Не знаю, – сказал медленно. – Давно не говорил этого слова.

Не ответила, продолжила работать. Мы молчали несколько минут, это молчание было странным. Не неловким, как бывает между чужими людьми, которым не о чем говорить. Каким-то другим, плотным, наполненным.

– Ты всегда сама ходишь на ночные перевязки? – спросил наконец.

– Когда хочу убедиться в состоянии пациента – да.

– Значит, беспокоишься?

– Это называется профессиональная ответственность.

– Это называется беспокоишься, – повторил он. Без улыбки, но в голосе было что-то теплое.

Не ответила. Он снова замолчал. Я заканчивала перевязку бедра и вот здесь пришлось чуть развернуться, потянуться, чтобы зафиксировать бинт с внутренней стороны. Это был обычный рабочий момент, неловкий угол, неудобная позиция. Я потянулась, и моя рука легла на его бедро выше колена, просто чтобы придержать ногу.

Он не пошевелился.

Но что-то в нем изменилось, я почувствовала это раньше, чем успела понять. Мышцы под моей рукой стали другими. Не напряглись, нет. Скорее наоборот: как будто что-то отпустило и одновременно натянулось иначе.

Не подняла взгляд, продолжила работать.

– Маслова, – сказал тихо.

– Да.

– Ты когда-нибудь отдыхаешь?

– В другой жизни, наверное. А мы уже на «ты»?

– Уже давно. А в этой отдыхаешь?

Завязала последний узел, выпрямилась и наконец посмотрела на него. Он лежал и спокойно, внимательно смотрел на меня. Без охоты, без дерзости, просто смотрел.

– В этой жизни я работаю.

– Это не ответ.

– Это честный ответ.

– Ты одна? – спросил и сразу поправился: – В смысле – без семьи.

Медленно, дала себе секунду, сложила использованный материал в лоток.

– Это точно не входит в анамнез.

– Нет. Просто спрашиваю.

– Была семья. Больше нет, – встала. – Все. Перевязка закончена.

Он не сказал ничего, только смотрел, и в этом взгляде было что-то, от чего мне захотелось уйти быстро. Не потому что взгляд был неприятным. Потому что был слишком понимающим.

Взяла лоток и пошла к двери.

– Пышка.

Остановилась, он впервые называл меня так серьезно. Всегда было с иронией, с вызовом, с этой своей дерзкой полуулыбкой. Сейчас было тихо, как будто слово было не прозвищем, а чем-то другим.

Обернулась, капитан устало, но очень внимательно смотрел на меня из-под полуприкрытых век.

– Спи хоть иногда, – сказал. – Ты нужна живой.

Я не нашлась с ответом. Просто кивнула и вышла.

В коридоре остановилась у окна, то самое окно, мимо которого хожу сотню раз за смену. Поставила лоток на подоконник, прижала ладони к прохладному стеклу.

Снаружи была ночь. Темная, тихая, с редкими фонарями и мокрым асфальтом, видимо, прошел дождь, а я и не заметила. Мир снаружи жил своей жизнью, совершенно не заботясь о том, что происходит в третьей палате хирургического отделения.

Мне бы его равнодушие.

Поняла кое-что важное стоя у этого окна, в половине первого ночи, с гудящими ногами и горящими щеками. Поняла, что проблема не в том, что он смотрит на меня. Смотреть – это одно. Проблема в том, что он видит.

Большинство людей смотрят на меня и видят доктора. Строгого, надежного, профессионального. Маслову, которая знает что делает, которую уважают и немного побаиваются. Эту роль я надела однажды, как хороший костюм, и с тех пор почти не снимала.

Он смотрел иначе.

Он смотрел так, как будто костюм его не интересовал. Как будто он видел что-то за ним. Что-то, что я давно привыкла прятать даже от себя: усталость, одиночество, ту самую пустоту, которую я называла спокойствием.

– *Ты нужна живой.*

Когда последний раз кто-то говорил мне что-то подобное? Я не могла вспомнить. Взяла лоток, пошла дальше по коридору, к следующей палате, к следующей перевязке, к следующей задаче.

Но что-то изменилось. Он назвал меня Пышкой, и в этот раз это прозвучало не как дерзость. Это прозвучало как имя. *Моим* – в его устах, в ночной тишине, тихо и почти нежно.

Еще немного, и мне начнет это нравиться.

Глава 4

Лис

Не сплю уже третью ночь подряд.

Не потому что больно, боль я умею отключать, этому учат еще на первом году службы, и за двадцать лет я отточил это умение до автоматизма. Боль – это просто сигнал. Информация. Ее можно принять, зафиксировать и убрать на задний план, как убирают лишний шум во время операции. Не слышишь – работаешь.

Не сплю по другой причине.

Потолок в этой палате белый, ровный и совершенно бессодержательный. Я изучил его за три дня так подробно, как не изучал карты местности перед иными выходами.

Тонкая трещина у левого угла, похожая на реку на схематичном рисунке. Почти круглое, чуть желтоватое пятно от старой протечки над окном. Лампа дневного света, которую выключают в двадцать два ноль-ноль, после этого остается только уличный фонарь за окном, и тогда потолок становится серым.

Лежу и смотрю в этот серый потолок. И думаю о Масловой. Это меня раздражает. Само по себе то, что думаю.

Я не привык думать о женщинах так долго, подробно, возвращаясь снова и снова. Женщины в моей жизни были, я не монах и никогда им не был. Но они занимали ровно столько места, сколько сами занимали: момент, тепло, забвение на несколько часов.

Потом я уходил. Или уходили они. Это было честно и удобно для обеих сторон. Маслова не укладывается в эту схему.

Понял это еще в первую ночь, когда открыл глаза и увидел ее. Она стояла у кровати с картой в руках, читала что-то, и не знала, что я уже в сознании. Я несколько секунд просто смотрел, не двигаясь. Рыжие волосы, заплетены в небрежную косу, из которой выбились несколько прядей.

Усталость под глазами, которую она прятала за прямой спиной и профессиональным выражением лица. Пышная – да, я не солгал, когда сказал это. Есть немного, белый халат не скрывал ничего, ни линии плеч, ни талии, ни бедер. Красивая женщина, которая, кажется, делает все возможное, чтобы этого не замечали.

Я заметил.

Но дело было не только в этом. Дело было в том, как она стояла, как будто этот госпиталь, эти стены, этот запах хлорки и чужой боли были ее территорией. Не в смысле власти, а в смысле принадлежности. Она была здесь своей, по-настоящему.

Таких людей я видел немного. Людей, которые нашли свое место и стоят в нем твердо, без сомнений. Я, если честно, всегда им завидовал.

Меня зовут Лис – это позывной, который я получил на втором году службы и который с тех пор прирос ко мне крепче, чем данное при рождении имя. Лис – потому что умею обходить, просчитывать, видеть на три хода вперед. Потому что умею ждать. Потому что умею казаться одним, а быть другим. Это полезные качества для разведчика. Для человека – не очень.

Я прожил сорок два года и большую часть из них в движении. Задание, возвращение, снова задание. Где-то между ними были женщины, застолья с братьями по оружию, редкие отпуска, которые я почти всегда проводил один: в горах или походах, подальше от людей.

Мне говорили: ты закрытый. Я отвечал: я профессиональный. Разницы особой не видел. Семьи не было никогда.

Не потому что не хотел, врать самому себе я умею, но не до такой степени. Хотел, но очень рано понял, что хотеть и мочь, это разные вещи. Я слишком долго отсутствую, слишком мало говорю.

Слишком часто возвращаюсь с такими глазами, что нормальная женщина пугается. Я пробовал один раз, серьезно, лет в тридцать. Она ждала восемь месяцев, потом написала, что больше не может.

Я ее понял. Даже не обиделся. После этого перестал пробовать. Маслова смотрит на меня не так, как смотрят обычно.

Большинство людей, даже опытных, даже бывалых, смотрят на меня с осторожностью. Чувствуют что-то, что заставляет держать дистанцию. Я знаю, что от меня исходит что-то такое, чему нет точного названия. Не угроза, нет. Скорее, ощущение, что этот человек видит тебя насквозь и это не всегда приятно.

Маслова смотрит в ответ.

Прямо, без уклонения, без этой характерной паузы, когда человек решает, отвести взгляд или нет. Она не решает, она просто смотрит. Спокойно и очень точно, как хирург, который оценивает, что и как устроено внутри.

Это выбивает у меня почву из-под ног. Я привык читать людей. Это мой инструмент, моя профессия, моя защита. Я захожу в комнату и через две минуты знаю: этот врет, этот боится, этот хочет казаться важнее, чем есть.

С Масловой у меня не получается. Она – прямая. До неудобства.

Говорит то, что думает, делает то, что говорит. Не заигрывает, не притворяется, не ищет у меня одобрения. Когда я грублю, она не обижается и не отступает. Просто смотрит и отвечает в тон спокойно, точно, без лишнего.

Я поймал себя на том, что специально грублю – проверяю. Ищу трещину, момент, когда она дрогнет или отступит. Не дрогнула ни разу.

Ночью, когда она делала перевязку, лежал и слушал, как она двигается. Тихо, очень тихо – не шаги, а почти беззвучное перемещение. Руки у нее холодные сначала и быстро становятся теплыми – я это запомнил.

И запомнил, как она коснулась бедра, придержала ногу, секундный жест, рабочий, и что-то во мне натянулось, как перед выстрелом.

Не ожидал этого. Я думал – тело дало сбой. Три дня без движения, слабость, температура. Просто реакция. Но она ушла, и я еще долго лежал и думал о том, как пахнут ее волосы даже сквозь запах антисептика что-то теплое, едва уловимое, и злился на себя за то, что думаю об этом.

Лис думает о запахе волос врача. Двадцать лет назад я бы сам себе не поверил.

Ребята. Я думаю о них каждый час.

Костя, Шевченко, Рябой – вышли ли они? Я не знаю, последнее, что я помню до потери сознания, что Костя тащил меня на себе, матерился вполголоса и говорил: держись, командир, я тебя не брошу. Держись.

Я держался.

Они вышли или нет – я узнаю, когда смогу позвонить. Мне пока не дают телефон – Маслова запретила, сказала: стресс влияет на заживление. Я мог бы поспорить. Но она посмотрела на меня так, что я не стал.

Это тоже странно.

Я спорю со всеми и всегда. Это моя натура, проверять, искать слабые места в любой позиции. Командиры терпели, подчиненные привыкли. А она – она смотрит, и я почему-то закрываю рот.

Не потому что боюсь. Нет. Потому что чувствую, что она права. И она знает, что права. И спорить с человеком, который прав и знает об этом, пустая трата энергии. Даже Лис это понимает.

Фонарь за окном мигнул и погас, видимо, перегорел. Палата стала совсем темной. Я лежу в темноте и думаю.

Она сказала: была семья, больше нет. Сухо, коротко, как закрытую дверь показала – вот, видишь, здесь закрыто, не ходи. Я не пошел, но дверь запомнил.

Кто-то причинил ей боль. Это очевидно даже без деталей. Вот это вот умение не подпускать близко, эта броня из профессионализма и строгости, эта привычка быть нужной всем и не просить ничего для себя, это не рожденное. Это заработанное. Через что-то тяжелое.

Я понимаю это у меня своя броня. Другая по форме, одинаковая по назначению. Странно думать, что мы с ней похожи.

Она – рыжая, пышная, живая, с горящими щеками, когда злится. Мне сорок два года, шрамы, позывной вместо имени и привычка не верить никому дальше расстояния вытянутой руки.

Но внутри – похожи.

Оба умеем держаться, оба разучились просить о помощи. Оба давно живем в режиме, где нет места слабости. Только она – в своих стенах. Я – в своих.

Закрываю глаза. И в последний момент перед сном, первый раз за три ночи, думаю не о потолке, не о ребятах, не о боли в боку. Думаю о том, как она сказала: *спи хоть иногда, ты нужна живой*– нет, это она мне сказала. А я ей.

И о том, что она не ответила. Просто кивнула и ушла. Но щеки у нее горели. Я – Лис. Я умею замечать то, что люди не хотят показывать. И я видел: ей было не все равно.

Это, пожалуй, самое важное, что я узнал за эти три дня.

Глава 5

Прошла неделя.

За семь дней Тимофей Николаев превратился из тяжелого реанимационного пациента в головную боль всего хирургического отделения.

Температура упала до нормы на четвертый день. На пятый он начал вставать, уже с моего разрешения, аккуратно, с опорой. На шестой прошел по коридору до поста медсестры и обратно. На седьмой я застала его у окна в конце коридора: стоял, смотрел на улицу, заложив руки за спину, широкий и неуместно живой среди больничной бледности.

Не окликнула его тогда. Просто прошла мимо, сделав вид, что читаю карту в руках.

Утро восьмого дня началось штатно. Обход, перевязки, разбор с дежурной сменой. Я шла по коридору с историями болезней под мышкой, на ходу дочитывая анализы Николаева – показатели были хорошими, даже лучше, чем я рассчитывала. Его организм восстанавливался с той же упрямой методичностью, с которой он вообще делал все.

У поста медсестры стоял Вершинин.

Лейтенант явно пришел не по делу. Он опирался локтем о стойку и что-то рассказывал Оле, которая вежливо улыбалась, но то и дело поглядывала в мою сторону с выражением легкого облегчения.

Когда Вершинин услышал мои шаги, он обернулся и просиял с той скоростью, которая бывает только у очень молодых людей, еще не научившихся скрывать намерения.

– Марина Васильевна! Как раз хотел зайти к вам. У меня тут пациент с послеоперационными болями, хотел проконсультироваться.

– Запись через ординаторскую, Вершинин. Оля запишет.

– Да я на две минуты, честно.

Он пошел следом, и я уже почти дошла до своего кабинета, когда боковым зрением поймала движение. Дверь третьей палаты была открыта. Тимофей стоял в проеме, опираясь плечом о косяк.

Камуфляжная футболка, спортивные штаны, ему вчера наконец принесли вещи. Руки скрещены на груди, на лице было то самое выражение, которое я уже научилась читать: спокойное, холодное, оценивающее.

Он смотрел на Вершинина.

Лейтенант что-то говорил мне про болевой синдром, но я уже слушала вполуха, потому что атмосфера в коридоре изменилась. Оля за своей стойкой притихла и сделала вид, что очень занята бумагами, а вот Вершинин еще не понял, что происходит.

– Николаев, – сказала, не поворачиваясь к нему, – вам нельзя стоять дольше десяти минут. Идите лягте.

– Я стою шесть, – ответил он. Голос был ровным, но в нем было что-то, что заставило Вершинина наконец оглянуться.

Молодой лейтенант увидел Тимофея и ошутимо сбился с мысли.

– Так вот, – продолжил Николаев, не двигаясь с места, – молодой человек пришел проконсультироваться или просто ходит за доктором Масловой по коридорам?

Вершинин покраснел. Оля уронила ручку и не стала поднимать. Я развернулась.

– Тимофей Александрович. В палату.

– Я серьезно спрашиваю, – он посмотрел на меня. Не с иронией. Без всякой иронии. – У него что-то болит или он просто решил, что в рабочее время у заведующей есть время на его личные вопросы?

– Это мое рабочее время, и я сама решаю, как его использовать, – сказала спокойно, хотя внутри уже поднималось то острое, горячее раздражение, с которым этот человек умел обращаться виртуозно. – Идите в палату.

– Мне там скучно.

– Это госпиталь, а не санаторий.

Вершинин сделал попытку ретироваться:

– Марина Васильевна, я зайду позже...

– Нет, – сказала. – Оставайтесь, я вас приму. – Потом повернулась к Тимофею: – А вы идите и ложитесь, прямо сейчас.

Он смотрел на меня несколько секунд. Потом медленно отлепился от косяка, развернулся и вошел в палату. Дверь не хлопнул, просто закрыл. Это почему-то было хуже, чем если бы хлопнул.

Я приняла Вершинина быстро, дала рекомендации и выпроводила. После этого постояла у своего стола, глядя в окно. За окном шелестели тополя, по двору шел какой-то офицер с папкой. Все было нормально, все было штатно.

Взяла карту Николаева и пошла в третью палату. Он лежал, смотрел в потолок когда я вошла, не повернул головы.

– Вы понимаете, что только что позволили себе совершенно лишнее? – сказала, закрыв дверь.

– Я задал вопрос.

– Вы были грубы на глазах у персонала.

– Я был точен. Это разные вещи.

Присела на стул у кровати и открыла карту. Руки были спокойными, я умею держать руки спокойными даже когда внутри все иначе.

– Николаев. Я понимаю, что вам скучно. Понимаю, что восемь дней в четырех стенах для человека вашего склада это почти невыносимо. Но то, что вы делаете, это не ваше дело. Вершинин – мой коллега. Что он говорит мне и как – не ваша территория.

Молчание.

– Он смотрит на тебя как на женщину, а не как на коллегу, – произнес Тимофей наконец. Голос стал тише, но не мягче. – Ты это прекрасно знаешь.

– И что с того?

Он повернул голову, посмотрел на меня. В этом взгляде не было ничего похожего на смущение.

– Он тебе не подходит. Ему двадцать пять, от силы двадцать шесть. Он еще не знает, что такое настоящая жизнь.

– А вы, значит, знаете, кто мне подходит?

– Нет. Но вижу, кто не подходит.

Закрыла карту.

– Тимофей Александрович, – в голосе, кажется, было все, что я думала прямо сейчас: усталость, раздражение и что-то еще, чему я не собиралась давать имя. – Вы пациент. Я ваш лечащий врач. Это единственные роли, которые существуют между нами в этих стенах. Моя личная жизнь, мои коллеги, мои отношения с ними – все это находится за пределами вашей компетенции. Полностью и окончательно. Вы меня понимаете?

Он смотрел. Долго.

– Понимаю, – сказал наконец.

– Хорошо.

Я встала, дошла до двери.

– Марина.

Не «Маслова». Не «Пышка». Просто – Марина. Впервые.

Остановилась, но не обернулась.

– Мне не скучно, – сказал он тихо. – Я не поэтому.

Вышла, дверь закрылась за мной без звука.

В коридоре Оля деликатно смотрела в другую сторону. Я прошла мимо поста, свернула в ординаторскую, налила себе кофе, который не собиралась пить, и встала у окна.

Мне не поэтому.

Прокрутила эти слова несколько раз так же, как прокручивают фразу на иностранном языке, пытаюсь поймать точный смысл. Он имел в виду то, что я думаю? Или я уже начала слышать в его словах то, что хочу услышать?

Вот оно. Вот то самое, чего я так боялась.

Я поняла это стоя у окна с нетронутым кофе в руках: я думаю о нем слишком часто. Не как о пациенте с хорошей динамикой и сложным характером. Как о человеке, чей голос я узнаю еще в коридоре. Чью температуру помню без карты. О ком думаю первым делом, приходя на смену, и последним – уходя.

Это было не просто лишним. Это было опасным. Поставила кофе на подоконник и взяла следующую карту. Работа. Только работа.

Но имя – просто *Марина*, без отчества, без фамилии, тихо и как-то очень по-своему – уже стояло где-то внутри. И молчало там, как стоит что-то тяжелое и настоящее, что нельзя просто убрать с дороги.

Глава 6

Новенькую медсестру привели в отделение в понедельник утром.

Я стояла у поста и разбирала результаты анализов, когда в конце коридора появилась старшая медсестра Валентина Ивановна с молодой девушкой в новом, еще не помятом халате. Я подняла взгляд на секунду и снова опустила его в бумаги.

Секунды хватило, чтобы все понять.

Лет двадцать три, не больше. Высокая, тонкая, с той легкой уверенной осанкой, которая бывает у людей, привыкших, что на них смотрят. Светлые волосы забраны по регламенту, но так аккуратно, что прическа выглядела почти как с фотосессии. Халат сидел так, словно был сшит на заказ. Большие глаза с длинными ресницами осматривали отделение с нескрываемым любопытством.

– Марина Васильевна, – сказала Валентина Ивановна, подойдя к посту, – познакомьтесь. Семенова Алина Дмитриевна, из второго хирургического перевелась. Опыт год и три месяца, характеристика хорошая.

– М

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.